

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Х ГГ.

В современных условиях бурного возрождения «этничности» каждого народа и обострения межнациональных отношений, в разрешении вопросов, связанных с этой сферой общественного развития, огромное значение приобретает накопленный опыт национального строительства в советском государстве в предшествующие десятилетия.

Особое место в изучении истории многонационального государства должен занять период 20-х гг., где формировались программы национальной политики, правовые основы создания союза республик, главные концепции развития народов в условиях федерации. Не менее важно исследование национальных проблем в послевоенные, а особенно в 70-е – 80-е годы, из которых вызрела сегодняшняя сложная, требующая нередко быстрых оптимальных решений, ситуация. И, наконец, анализ национальной политики государства в наши дни должен иметь выход на прогнозирование будущего развития, как отдельных народов, так и всей Российской Федерации.

Национальная политика - совокупность законодательных, идеологических, организационных мер государства, направленных на реализацию национальных интересов, обновление и дальнейшее развитие национальной жизни всех народов России в рамках федеративного государства, на создание равноправных отношений между народами страны, формирование демократических механизмов разрешения этнических и межнациональных проблем.

Самарская губерния с начала формирования её населения являла собой пример многоэтничного объединения, а потому реализация национальной политики в пределах губернии позволяет судить о политике государства в целом.

В процессе аграрного освоения Самарского Заволжья (XVII – XIX вв.) определился сложный состав его населения: по правительенным указам и добровольно с верховьев Волги и из Центра сюда двигались русские, мордва, татары и чуваши. В XVIII в. к освоению степных пространств за Волгой российским правительством были приглашены малороссы Украины и немцы Германии. На конец XIX в. этнический состав населения Самарской губернии представлял собой следующую картину: большинство (70%) составляли русские и украинцы, более 10% - татары и башкиры, 8,7% - немцы, 7,6% - мордва, 3% - чуваши. К 1924 г. нерусское население края составляло около 24% от общей численности¹.

Документы фондов Самарского Губкома РКП (б) и Средне-Волжского Обкома ВКП (б) за 1920-е гг., хранящиеся в ГУСО ГАСПИ, свидетельствуют о широкой системе мер по вовлечению в советское строительство всего полигэтничного населения края. Начало этому было положено созданием в первые

годы советской власти административных органов (отделов, подотделов национальных меньшинств) при губернских, уездных комитетах партии и отделах народного образования, представлявших и защищавших интересы всех этнических групп в развитии их языка, культуры, самосознания.

Наиболее активным в решении национальных проблем оказалось татарское население: уже после Февральской революции 1917 г. «для защиты интересов мусульманских рабочих слесарем-машинистом снарядных заводов Садреевым, а также товарищами Якуповым и Бахтеевым в городе Самаре был организован Мусульманский комитет, который под таким названием существовал до I Всероссийской мусульманской конференции», после чего в 1918 г. был переименован в мусульманскую организацию РКП(б), с 1919 г. – губернское татарско-башкирское бюро РКП(б), представлявшее по своим функциям политический и культурный центр для татар и башкир губернии, с печатными изданиями «Яна кеч» («Новая сила»), «Эшче» («Рабочий»), «Авыл» («Деревня»).

С целью распространения идей коммунизма среди мусульман был открыт рабочий клуб, выписывались брошюры и организована при клубе библиотека и читальня, разосланы по всем уездам организаторы, в том числе товарищ Алеев был назначен агитатором по заводам Самарской губернии. Кроме того, «при наступлении чехословаков на Самару мусульманской партией была организована боевая дружина, которая принимала участие в боях с чешской бандой, и при взятии Самары белогвардейцами несколько товарищей, в том числе - Алеев, были убиты, а остальные товарищи во главе с Садреевым отступили на Симбирский фронт, а некоторые во главе с Бахтеевым остались в Самаре и занялись подпольной работой».

Работа мусульманского Клуба (для него было снято помещение бывшего Русско-Азиатского банка на углу Петроградской и Советской улиц) в дальнейшем осуществлялась по трем секциям: политграмотности, литературно-библиотечной (в её ведении находилась типография «Яна кеч») и театральной, с соответствующими им функциями.

Большое место в деятельности татарских и башкирских коммунистов занимала борьба с националистической организацией «Милли-Шуро». Не только политическими методами приходилось действовать партийным работникам; архивные документы свидетельствуют о решении партийными органами самых насущных проблем для населения. Так, организованный в октябре 1917 г. в Бузулуке в противовес местному «Милли-Шуро», «Культпросвет» открыл мусульманскую мясную лавку, где была организована выдача мяса по твёрдым ценам беспартийным рабочим из татар и башкир².

Особые задачи перед партийными и культурно-просветительными органами возникли в 1921 г., в условиях голода в Поволжье. Подотдел пропаганды тюркнародов в этом году организовал так называемую «Красную Повозку» в отдельные районы губерний, участники которой (6 человек) читали лекции о посевной компании, демонстрировали фильмы, устраивали спектакли и митинги, читали рукописные газеты. В условиях роста численности детей-сирот и беспризорных, татарско-башкирская партийная организация много делала для экономической поддержки детских домов, – архивными документами зафиксированы крупные перечисления, заработанные постановкой спектаклей на татарском языке, в пользу детских учреждений.

В связи с трудностями в обеспечении типографии татарским шрифтом парторганизация приняла решение об издании стенной газеты «Сунги Хабярля» («Последние известия»).

Антирелигиозная компания, проводимая по всей стране, нашла сторонников и среди коммунистов-татар и башкир. Мероприятия по разъяснению массам смысла религии были приурочены ко времени традиционных мусульманских праздников. Примером может служить архивный документ – отчет о проведении одного из таких мероприятий – «Руз-Гаида» 16 мая 1923 года, приуроченного к традиционному татарскому «Байраму». О молодежном характере этого праздника свидетельствует состав присутствующих: 25% - красноармейцы, 30% - учащиеся, 20% - трудящиеся и 25% - молодежь из так называемой вольной публики. По возрасту: 65% - до 25 лет, 35% - до 30 лет, старше 30 лет присутствующих не было. Основной частью мероприятия было чтение лекций на темы:

«Возникновение религии»; «Шариат как закон, охраняющий интересы буржуазии времен Магомета»; «Религия и коммунизм»³.

Организация митингов, собраний, бесплатное распространение газет и журналов, постановка спектаклей на национальном языке – все это было весьма важно для полумиллионного татарского и башкирского населения края.

Коммунисты других национальностей губернии были объединены в секции при подотделе национальных меньшинств Губкома РКП(б). Их создание осуществлялось в Самаре с 1920 г., согласно «Инструкции об организации отделов по делам национальностей на местах».

В 1921 г. при Самарском Губкоме РКП(б) существовали 12 национальных секций – белорусская, венгерская, еврейская, китайская, латышская, мордовская, немецкая, польская, турецкая, украинская, чувашская, эстонская. В этом же 1921 г. национальным секциям было предоставлено одно общее помещение – так называемый Дом нацмена (на углу Саратовской и Петроградской – ныне – Фрунзе и Ленинградской улиц), где под одной крышей объединялись различные народы края.

Секции Губкома выполняли самую разнообразную работу с национальными группами: наиболее

важной, в соответствии с основной функцией партийных органов, была деятельность политического характера – организация курсов по подготовке партийных работников из национальных рабочих и беднейшего крестьянства, митингов, советских праздников. В голодном 1921 г. деятельность секций расширилась, ориентируясь на разъяснение ситуации с голodom, реальную помочь голодающим, когда «10 сытых» брали на себя обязательство кормить «одного голодного», а ими были в первую очередь дети-сироты. Не меньшее значение во взаимодействии с национальными массами приобретала культурно-просветительная работа. Партийными секциями проводилась широкая компания по ликвидации безграмотности, учреждались национальные типографии, расширялась сеть библиотек, распространялась литература. С помощью агитбригад «Красная Повозка», «Поезд Октября» устраивались «политические плакаты» и спектакли на национальных языках в сельской местности. В г. Самаре проводились литературно-танцевальные вечера в существовавших в то время Пушкинском Доме, в театре им. К.Маркса, в национальных рабочих клубах. Для вовлечения большей аудитории в проводимые мероприятия политического характера их организаторы прибегали к силам полюбившегося всем «волшебного фонаря» (кинематографа).

В отчете о работе губернской мордовской секции за октябрь 1922 г. отмечалось, что при этой секции действует «мордовский кружок по истории Российской революции, где история читается по М.Н. Покровскому»⁴.

Представитель партийных работников в среде мордвы - член Самарского ГубОНО - И.С.Поздяев, методом полевой этнографии изучал мордовский фольклор в селениях Секретарка, Новое и Старое Семейкино, Шилан, Кобельма, Большая Каменка, Подъём-Михайловка, Каменный Брод, Шелехметь, Мордовские Липяги, Пестравка, Вязовка, Томылово и др. Фольклорно-этнографические материалы были представлены И.С. Поздяевым на заседании Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания (СОАИЭиЕ), и по инициативе В.В.Гольмстен опубликованы в «Известиях» СГУ (1928). В Клубе нацменшинств, созданном в Самаре в 1920-е гг., И.С. Поздяев читал публичные лекции по истории мордовского народа, его этнографии и фольклору⁵.

Изначально партийным организациям, основанным по национальному принципу, пришлось решать специфичные задачи. Так, перед Самарским губернским отделом по делам национальностей встало необходимость решить вопрос о судьбе 36 тысяч украинцев, проживавших в крае. В 1921 г., в связи с «переходом» всех помещичьих, казенных и монастырских земель в государственный земельный фонд, у украинцев появилась тяга к переселению обратно на родину, где климатические условия жизни на юге гораздо лучше, чем на востоке. Но такое стихийное неорганизованное переселение, какое мыслилось местным украинским переселен-

цам, готовым переезжать даже гужевым путем, шло вразрез с постановлениями Центра, которые допускали лишь организованные систематические переселения, ведущиеся Центральным эвакуационным органом и его филиалами на местах. Кроме того, оно шло вразрез с посевным планом губернии. В Самаре была созвана беспартийная губернская конференция селян-украинцев, которая отвергла неорганизованное переселение, а выяснение вопросов было поручено украинскому подотделу Губотнаца и пяти делегатам конференции⁶.

В докладной записке «О работе среди еврейских трудящихся в г. Самаре за годы революции» от 24.11.1928 г. за подписью Левина содержался отчет о работе комиссии по делам нацменьшинств по Средне-Волжской области с еврейским населением. Там указывалось: «В Самаре работа среди еврейских трудящихся началась еще за пару лет до революции, когда в Самарскую губернию нахлынула волна еврейских беженцев из прифронтовой полосы (западных губерний и Польши). ... В начале 1916 г. в Самаре группой еврейских революционеров – бундовцев, членов ВКП (б) (С.Коган, З. Рейзин, А.Левин, М.Левина, Ю.Гинцбург) была организована на ул. Фрунзе (тогда – Саратовской) еврейская столовая, которая фактически была революционной биржей, где всегда встречались работавшие в Самаре революционеры. В этой столовой часто бывали тт. Венцек и Куйбышев.

После революции, несмотря на то, что здесь была довольно сильная группа бундовцев, все же скоро была организована еврейская секция ВКП (б) из левых бундовцев и некоторых старых членов ВКП (б), был организован еврейский отдел по советской линии, который занялся реорганизацией еврейских школ.

В Самарской губернии по переписи 1920 г. насчитывалось 13 тыс. евреев, из которых громадное большинство были трудящиеся бедняки. В Самаре еще до революции была организована пошивочная мастерская для еврейских беженцев, живших в бараках. Здесь находили себе работу около 45 человек. После революции, в начале 1920 г. было организовано отделение еврейского общественного комитета помощи пострадавшим; в голодном 1921 г. на Советской улице была организована еврейская столовая, которая отпускала до 200 обедов бедноте.

Еврейским общественным комитетом были созданы 3 детских дома, клуб, школа первой ступени, педагогические курсы, профтехшкола № 3. В 1923 – 24 гг. комитет был ликвидирован, потом – еврейский клуб и общежитие при 3 профтехшколе. В конце 1925 г. группой самарских евреев во главе с Левковичем было организовано Общество помощи. Руководители Общества – Левкович и Пузнер в организованных ими артелях ввели субботний день отдыха вместо воскресного.

По данным за 1928 г. по Средне-Волжской области насчитывалось 15 тысяч евреев, из них в Самаре – 7 тыс., в Пензе – 2, в Оренбурге – 2,5 и в Ульяновске – 1,4. В Самаре имелись еврейские

культурные заведения: школа первой ступени на 140 человек, вечерние курсы рабочей молодежи на 60 человек, где учителя вели работу 3 раза в неделю безвозмездно; библиотека. Для клубной массовой работы не было помещения. С этой целью планировался перевод синагоги в Дом культуры. Еврейским населением выписывалось около 25 экземпляров газеты «Эмес» на родном языке и около 50 экземпляров журнала «Трибуна» еврейского общества⁷.

О масштабах деятельности подотдела национальных меньшинств при ГубОНО можно судить по количеству национальных школ в крае – в первые годы советской власти (1917-1922) около 500 было только татарских, в них обучалось около 50 тыс. детей. Большие сложности в деле просвещения татар и башкир появились у партийных органов в связи с введением НЭП – «почти все мусульманские школы были сняты с госснабжения, с оставлением некоторых на местные средства, а некоторых – на снабжение самого населения. Пользуясь этими случаями, активизировалось духовенство, и везде, почти во всех приходах, мечетях, по всей губернии начали организовывать сети религиозных школ, куда наплыла масса детей дошкольного и школьного возраста, вопреки существующим положениям советской власти об обучении в религиозных школах только совершеннолетних».

С позиции сегодняшнего дня видны недостатки и просчеты в этой работе, организуемой советскими органами по ликвидации религиозных школ – большинство архивных документов свидетельствуют о том, что закрытые с помощью посылаемых из Самары инструкторов, религиозные школы в уездах ничем не заменялись.

Мордовское население, составлявшее в губернии в 1924 г. около 240 тыс. человек, имело 137 национальных школ, 1 детский дом, 1 педтехникум (в с. Малый Толтай, в 1928 г. с большими затруднениями переведенный в Красный Городок - в бывший Ракитовский монастырь Самарского уезда), 45 пунктов ликвидации безграмотности, 17 изб-читален, 7 народных домов, 3 клуба, 6 библиотек, где мордовское население имело возможность реализовать свои потребности в культурном общении, языке и т.д. В задачи органов Отдела Народного образования входило не только обеспечение учебных заведений необходимой литературой, кадрами специалистов в национальном языке, но и привлечение к образованию детей из национальной среды, что было довольно трудно, особенно в сельской местности.

10 июня 1921 года в г. Самаре состоялся I Всероссийский съезд коммунистов мордвы. В созданном в 1926 году в Самаре клубе Национальных меньшинств особой активностью отличалась мордовская секция. Художественный руководитель мордовского хорового коллектива Г.Трифонов со своими артистами побывал практически во всех мордовских селах региона. Драматический коллектив мордовской секции поставил на сцене семь эрзянских спектаклей. В 1922 г. на базе переведенных

из Казани учительских курсов в с. М. Толтай Бугурусланского уезда (ныне Похвистневского р-на) был создан мордовский педагогический техникум, который до 1940 г. выпустил более 1 тыс. учителей. В г. Самаре и в с. Ст. Бинарадка были организованы мордовские средние школы-интернаты. Талантливая молодежь собиралась в Мало-Толтайском педтехникуме, где руководителем и драматургом была К.С. Петрова⁸.

В первые годы советской власти разрабатывались теоретические проблемы развития наций, и разного рода специалисты пытались решить проблему единства мордовской нации, в связи с тем, что этногенез мордвы характеризовался формированием двух этнографических групп – эрзи и мокши, имеющими в наши дни существенные различия в языке и культуре. Однако, в 1920-х годах мордовскими лингвистами была предпринята попытка искусственно создать единый мордовский литературный язык. Это было поручено мордовскому ученому М.Е. Евсевьеву. Сама по себе идея изначально была обречена на неудачу, и попытка М.Е. Евсевьевова составить единый мордовский словарь не увенчалась успехом.

Особую активность проявили деятели мордовского просвещения в 1923 г.: с целью сохранения национально-культурных особенностей мордвы средствами этнографического и лингвистического образования, в Самарском Государственном университете была открыта кафедра сравнительного финно-угорского языкознания и этнографии. «Чтение курса было начато переехавшим из Казани в Самару профессором бывшего Казанского Археологического института, преобразованного в Восточную Академию, Емельяновым. Организаторская деятельность профессора началась с привлечения к своей кафедре сотрудников из мордвы, так была выдвинута кандидатура студента-мордвина Е.Б. Буртаева. Число слушателей из мордвы при кафедре составляло около 30 человек». Однако Наркомпрос признал излишним для Самарского университета чтение краевых наук по финно- и тюркологии». С большими трудностями осуществлялась необходимая для просвещения масс задача. Мордовская секция Губкома не раз обращалась к населению соседних губерний - Пензенской, Симбирской, Тамбовской с возванием о помощи в сохранении созданной кафедры⁹.

В 1920-1921 гг. в губернии работали 22 украинских школы I ступени, 3 детских дома, 32 народных дома и избы - читальни, клуб, 7 библиотек и 10 пунктов ликвидации безграмотности. В 1932 г. в Средневолжском крае началось издание газеты на украинском языке «Путь к коммунизму» (вышло всего 56 номеров).

В деятельности еврейских секций Губкома и ГубОНО особое место занимала система подготовки образованных кадров из рабочих. В 1922 г. в Самаре были открыты политические курсы при еврейском Рабочем клубе, «через который были обязаны проходить политическую грамоту персонал еврей-

ских детских домов». Значительное внимание еврейскими секциями уделялось антирелигиозным и антисоветским кампаниям. В 1922 г. «была обследована еврейская синагога – имеются ли там хедера (религиозные школы), в результате чего было обнаружено, что хедера носят подпольный характер, в них обучается по 2-3 ученика»¹⁰.

Материалы отчета о деятельности Чувашской секции Губкома только за ноябрь 1922 г. убедительно свидетельствуют о большой заботе чувашских коммунистов в просвещении народных масс. Кампания «в области печатного дела» включила в себя как агитацию по подписке чувашского журнала «Эслегензень Сасси», так и реальную помочь этому журналу – за указанный месяц только в Бугурусланском уезде для редакции этого журнала было собрано около 200 пудов хлеба. Секцией распределялась по уездам и литература на чувашском языке – «букварь для взрослых – 2880 экземпляров, вторая книга Толстого – 950 экз., Геометрия Иванова в 150 экземплярах, Азбука Коммунизма в 120 экземплярах, разрезная азбука в 227 экземплярах»¹¹.

Общими усилиями национальных секций Губкома и ГубОНО регулярно созывались губернские партийные конференции национальных меньшинств, где обсуждались сложнейшие для эпохи вопросы – как теоретические, так и практические. На конференции 1922 г. был поставлен основным «Национальный вопрос и проведение его в жизнь». В числе обсуждаемых проблем были названы следующие: «Что такая нация; когда, где и как стали складываться нации; могут ли быть устраниены национальные трения при капиталистическом строе; как проводить национальный вопрос в нашей губернии».

К концу 1920-х гг. в решениях центральных Российских органов власти по национальному вопросу проявилась тенденция к выделению национальных меньшинств в особые административно-территориальные единицы. Это решение зафиксировано в материалах совещания уполномоченных нацмен при ВЦИК от 23 июля 1928 г. В этом процессе Самара стала административным центром Средне-Волжской области, где компактные национальные группы, проживающие в сельской местности, были объединены в границах национальных сельских Советов.

По данным 1928 г. из 360 сельских Советов 10 районов Самарского округа 78 были национальными, что составило 21,8% от общего количества. Большинство из них были мордовскими (28), украинскими (26), татарскими (10), чувашскими (7) и башкирскими (5). Наибольшее количество национальных сельских Советов насчитывалось в Большеш-Глушицком (17), Самарском (12) и Елховском (12) районах¹².

В Бугурусланском округе из 599 сельсоветов 178 были национальными, в том числе 97 - мордовских, 48 - чувашских, 33 - татарских. В Бузулукском округе из 314 сельсоветов 64 были национальными, из них – 20 мордовских, 14 чувашских и 7 татарских¹³.

В работе центральных и губернских партийных органов с местным населением по-прежнему оставалась задача – «выполнить директивы X и XII съездов и последующих решений партии о преодолении «фактического», т.е. хозяйственного и культурного неравенства национальностей (XII съезд) путем более интенсивного обслуживания нацмен в экономической, культурной и общественно-политической области, сравнительно с основной массой населения».

О конкретных установках в этой работе говорит директивный материал «Совещания коммунистов нацмен Средне-Волжской области о партийных задачах среди нацмен» за 1928 г.¹⁴. Здесь указывалось: «Необходимо добиваться, чтобы все советские профсоюзные, кооперативные, а также местные организации усвоили значение обслуживания нацмен, считая эту работу своей повседневной задачей, и при всех проводимых мероприятиях учитывали отсталость, следовательно, большую нуждаемость нацмен в помощи; вели систематический и достаточно полный учет работы среди каждой более или менее крупной национальности (мордва, татары, чуваши, украинцы, евреи, поляки и немцы)». В этом же документе обращалось внимание на обязательную необходимость разделения функций партийных и советских органов - «необходимо изжить выполнение инструктажем нацмен при парткомах прямых обязанностей советских хозяйственных, кооперативных и т.д. организаций, превращая инструктаж парткомов в боевые органы идеологической борьбы, в авторитетные центры идейно-воспитательной работы среди нацмен». При этом планировался перевод делопроизводства на родной язык, подготовка кадров для этого.

В 1929-1930 гг. правительством осуществлялась политика коренизации кадров аппарата в национальных регионах, с 50% до 100% к 1 сентября 1930 г. – по Средне-Волжской области. Однако, в

условиях существования автономных поволжских республик, этнические группы мордвы, татар, чувашей, проживавшие в Самарском крае и территориально оторванные от основного массива расселения своей нации, со временем теряют связь и со своей республикой, и с центральными национальными органами. Положительная практика решения национальных проблем в крае была утрачена уже в предвоенные годы, а в последующие десятилетия лозунговая политика, констатирующая полное благополучие в национальных отношениях в нашем союзном государстве, привела к отсутствию каких-либо местных органов, которые регулировали бы отношения между этносами на уровне области.

Новые условия развития постсоветского общества в наши дни поставили новые задачи перед политическими и культурными организациями в решении национальных проблем. Стремление к сохранению у народа его этнического облика в настоящее время в Самарской области выразилось в создании новых общественных организаций, которые взяли на себя задачу именно культурного возрождения. Неоценима в этом деле роль национально - культурных центров и ГУСО «Дом дружбы народов».

Думается, что именно по этому пути должен продолжаться поиск и реализация решений в области национальной политики государства в наши дни. Объединение опыта культурного и национального строительства в первые годы советской власти может стать основой для его развития в будущем. Знакомство с национальными культурами и самобытностью каждого народа через различные средства информации, просвещение масс, этнографическое образование в системе подготовки квалифицированных специалистов во всех областях – вот реальные возможности для возрождения в обществе общечеловеческих установок на толерантность и патриотизм.

Примечания:

¹ Богданов Д.Ф. Статистические данные о национальном составе Самарской губернии в связи с ближайшими задачами Общества. Доклад на заседании Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при СГУ // Научный архив СОИКМ им. П.В.Алабина. Ф.492. Оп.2. Ед. хр.9. Л.7.

² ГУСО ГАСПИ Ф.1. Оп.1. Д.137, 142.

³ ГУСО ГАСПИ Ф.1. Оп.1. Д.1216.

⁴ ГУСО ГАСПИ Ф.1. Оп.1. Д.1213.

⁵ Бабань-каша озкс (Моление старушечьей каши) // ГУСО ЦГАСО. Ф.558. Оп. 1. Д.70; Из материалов комиссии по изучению нацменшинств. Древние обряды самарской мордовы // Известия СГУ. Вып. 5. 1928. С.13-18; Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева), директора НИИ мордовской культуры // zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak1.htm

⁶ ГУСО ГАСПИ Ф.1. Оп.1. Д. 469, 471.

⁷ ГУСО ГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 498. Л. 32 – 35.

⁸ Мордва Самарской области. Паспорт этнической группы / Аппарат Правительства Самар.обл., ГУСО «Дом дружбы народов»; авт.-сост. Н.М.Малкова, С.Д.Николаев, С.К.Жидкова, В.И.Алексеева. - Самара: ГУСО ДДН, 2010.

⁹ ГУСО ГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.1214. Л. 36.

¹⁰ ГУСО ГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д .1100.

¹¹ ГУСО ГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д . 895.

¹² ГУСО ГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 498. Л. 55 – 56.

¹³ ГУСО ГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 495. Л. 2.

¹⁴ ГУСО ГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2478, 2497.